

ФРАГМЕНТЫ БУДУЩИХ КНИГ

Глобализация — сложный социально-экономический феномен, вызывающий множество споров как среди широких слоев населения в разных регионах мира, так и среди исследователей-социологов, экономистов, политологов. Предлагаем вниманию читателей отрывки из готовящегося к выходу в свет в издательстве "Праксис" русского перевода книги D. Held, A. MacGrew, L. Goldblatt, J. Perraton "Global Transformations: Politics, Economics and Culture". Stanford, California, 1999. Основное содержание этого капитального труда, создававшегося, по признанию авторов, почти 10 лет, сводится к следующим вопросам: Что такое глобализация? Как она должна быть выражена концептуально? Представляет ли собою современная глобализация некое новое состояние? С чем ассоциируется глобализация: с гибелью, возрождением или изменением власти государства? Устанавливает ли глобализация новые ограничения в политике?

Д. Хелд, Э. Макгрю, Д. Гольдблатт, Дж. Перратон. "Глобальные преобразования: политика, экономика, культура". Глобализация — одна из тех идей, о которых можно сказать, что пришло их время. Впервые это понятие появилось в работах французских и американских авторов в 60-х годах XX века, а сегодня вошло во все основные языки мира. Тем не менее, оно нуждается в точном определении, чтобы не превратиться в расхожее клише, стать расплывчатой идеей, которая охватывает все — от мировых финансовых рынков до Интернета.

И все же с помощью расхожих слов можно "ухватить" элементы живого опыта эпохи. В этом отношении глобализация отражает широко распространенное представление о том, что мир стремительно превращается в социальное пространство, в котором господствуют экономические и технологические силы, и что изменения в одной

части планеты могут иметь далеко идущие последствия для судеб отдельных людей или сообществ на другом конце земного шара. Для многих глобализация ассоциируется также с ощущением политического фатализма и постоянной угрозы того, что подлинные масштабы современных социальных и экономических изменений, по видимому, превосходят способность национальных правительств или граждан контролировать, оспаривать или оказывать сопротивление этим изменениям. Иными словами, глобализация действительно накладывает ограничения на национальную политику.

Глобализацию можно представить как процесс расширения, углубления и ускорения мирового сотрудничества, затрагивающий все аспекты современной социальной жизни — от культурной до криминальной, от финансовой до духовной. Благодаря современной глобализации, сообщества, находящиеся в одном конце мира, подключаются к достижениям или событиям, происходящим на другом континенте. Достаточно сказать, что компьютерные программисты в Индии обслуживают в кратчайшие сроки и в реальном масштабе времени своих нанимателей в Европе и США, или что маковые плантации в Бирме могут быть связаны с употреблением наркотиков в Берлине или Белфасте. Однако признание данного факта не исключает различных точек зрения относительно того, каково наиболее адекватное концептуальное выражение глобализации, как охарактеризовать ее причинно-следственную динамику и ее структурные последствия, если они есть. Обсуждение этих вопросов получило широкий резонанс, и сегодня можно выделить три школы, представителей которых мы назвали *гиперглобалистами*, *скептиками* и *трансформистами*. Каждая из этих школ, пытаясь понять и объяснить глобализацию, дает собственную оценку этому социальному феномену.

Для **гиперглобалистов** современная глобализация означает новую эру, отличительная черта которой состоит в том, что люди повсюду во все большей степени попадают в зависимость от порядков, царящих на мировом рынке. **Скептики**, напротив, доказывают, что глобализация — это на самом деле миф, за которым скрывается тот факт, что в рамках мирового хозяйства все более и более выделяются три основных региональных блока, где национальные правительства остаются очень сильными. Наконец, для **трансформистов** современная глобализация представляется исторически беспрецедентной. С их точки зрения, государства и общества во всех уголках земного шара испытывают глубокие изменения по мере того, как пытаются адаптироваться к более связанному изнутри, но весьма изменчивому миру.

Примечательно, что ни одна из этих трех школ не смыкается ни с одной традиционной идеологией и ни с одним традиционным воззрением. Так, внутри лагеря гиперглобалистов, наряду с марксистскими, можно обнаружить ортодоксально неолиберальные взгляды на глобализацию, а концепции скептиков включают в себя как консервативные, так и радикальные мнения о природе современной глобализации. Более того, в рамках каждой великой традиции социальных исследований — либеральной, консервативной и марксистской — нет единых представлений о глобализации как о социально-экономическом феномене. Марксисты, объясняя глобализацию, обращаются к совершенно несовместимым понятиям, таким, как, например, расширение монополии капиталистического империализма, или, наоборот, радикально новая форма глобализованного капитализма. Аналогичным образом, вопреки своим явно ортодоксальным неолиберальным исходным позициям, гиперглобалисты приходят к совершенно разным заключениям о динамике современной глобализации и чуть ли не противоположным ее оценкам. Гиперглобалисты, скептики и трансформисты демонстрируют широкое разнообразие интеллектуальных подходов и нормативных оценок.

Рассмотрим подробнее наиболее типич-

ные аргументы, выдвигаемые сторонниками разных подходов, поскольку это прольет свет на фундаментальные положения, находящиеся в центре споров о глобализации.

Аргументы гиперглобалистов. Для гиперглобалистов глобализация означает начало новой эпохи человеческой истории, когда "традиционные национальные государства становятся неестественными и даже невозможными коммерческими единицами мировой экономики" (Ohmae, 1995, p. 5; ср.: Wriston, 1992; Guehenno, 1995). Сторонники такого подхода используют преимущественно экономическую логику и приветствуют возникновение единого мирового рынка и законов глобальной конкуренции как свидетельства человеческого прогресса. Они доказывают, что экономическая глобализация влечет за собой "денационализацию" экономики путем установления транснациональных сетей производства, торговли и финансов. В этой экономике "без границ" национальным правительствам отводится роль чуть ли не "приводных ремней", обслуживающих мировой капитал, или посреднических институтов, обеспечивающих связь между все более крепнущими местными, региональными и глобальными механизмами управления. Как пишет С. Стрейндж, "безликие силы мировых рынков ныне более могущественны, чем государства, которым якобы принадлежит высшая политическая власть... Уменьшение влияния государств находит отражение в том факте, что власть все больше переходит к другим институтам и объединениям, к местным и региональным органам" (Strange, 1996, p. 4; ср.: Reich, 1991). По мнению многих гиперглобалистов, экономическая глобализация порождает новые формы социальной организации, которые вытесняют и постепенно вытеснят национальные государства как первичные экономические и политические образования мирового сообщества.

Внутри этой схемы существует значительное нормативное расхождение между неолибералами, которые приветствуют победу автономии личности и законов рынка над государственной властью, с одной сто-

роны, и радикалами или неомарксистами, для которых современная глобализация означает торжество деспотического глобального капитализма — с другой. Но несмотря на идеологические разногласия, приверженцы данного подхода единодушны во мнении, что глобализация в первую очередь — экономическое явление; что глобальная экономика все более интегрируется; что требования глобального капитала обязывают все правительства соблюдать неолиберальную экономическую дисциплину и что политика является уже не "искусством возможного", а лишь практическим навыком "рационального экономического управления".

Кроме того, гиперглобалисты утверждают, что экономическая глобализация создает новый тип как победителей, так и терпящих поражение в глобальной экономике. Старое разделение на Север и Юг все в большей степени становится анахронизмом, а новое разделение труда, охватывающее весь мир, заменяет традиционную структуру "центр-периферия" на более сложное устройство экономической власти. На этом фоне правительства должны, тем не менее, "управлять" социальными последствиями глобализации или теми, кто "оказавшись позади, стремится не столько получить шанс двигаться вперед, сколько удержать других" (Ohmae, 1995, p. 64). Однако они обязаны учитывать и то, что в такой ситуации демократические модели социальной защиты оказываются несостоятельными, а государственная политика, направленная на достижение всеобщего благосостояния сводится на нет. Глобализацию связывают с растущей поляризацией между победителями и побежденными в глобальной экономике. Но так не должно быть, поскольку, как считают неолибералы, глобальное экономическое соперничество необязательно приводит к нулевым результатам. Определенные группы внутри страны могут быть бесцеремонно вытеснены в результате глобальной конкуренции, однако почти у всех стран есть относительное преимущество в производстве тех или иных товаров, что впоследствии может сыграть положительную роль. Неомарксисты и радикалы расценивают по-

добный оптимистический взгляд как необоснованный. С их точки зрения, глобальный капитализм создает и усиливает структурное неравенство как внутри отдельной страны, так и между странами. Но в конечном счете они разделяют вывод своих двойников — неолибералов, согласно которому традиционные методы социальной защиты становятся все более устаревшими и трудно выполнимыми.

Среди элит и "работников умственного труда" новой глобальной экономики возникла негласная межнациональная "классовая" лояльность, скрепленная идеологической привязанностью к неолиберальной экономической ортодоксии. У тех, кто в настоящее время становится маргиналом, всемирное распространение идеологии потребителя также вызывает новое ощущение идентичности, заменяющее традиционные культуры и стили жизни. Глобальное распространение либеральной демократии еще более укрепило ощущение возникающей глобальной цивилизации с ее универсальными стандартами экономической и политической организации. Этой "глобальной цивилизации" присущи собственные механизмы управления мировой экономикой, будь то Международный валютный фонд или законы мирового рынка, вследствие которых государства и народы во все большей степени оказываются в подчинении у новых публичных и частных — глобальных или региональных — властей. Соответственно, многие неолибералы рассматривают глобализацию как предвестие первой поистине глобальной цивилизации, тогда как для многих радикалов она представляет собой первую глобальную "рыночную цивилизацию".

Таким образом, возникновение глобальной экономики, зарождение всемирных институтов управления и повсеместное слияние культур гиперглобалисты интерпретируют как неоспоримое доказательство появления абсолютно нового мирового порядка, предвосхищающего конец национального государства. Поскольку национальная экономика все в большей степени становится лишь ответвлением межнациональных и глобальных потоков, противостоящих национальной социально-эконо-

мической деятельности, полномочия и легитимность национального государства ставятся под вопрос: национальные правительства все менее способны контролировать то, что происходит внутри их собственных границ, или самостоятельно удовлетворять требованиям своих граждан. По мере того как институты глобального и местного управления претендуют на все большую роль, суверенитет и автономия государства все заметнее разрушаются. С другой стороны, условия, способствующие межнациональной кооперации народов, расширению глобальных инфраструктур коммуникации и более глубокому осознанию многочисленных общих интересов, никогда не были столь благоприятны. В этой связи очевидно возникновение "глобального гражданского общества".

Экономическая и политическая власть, с точки зрения гиперглобалистов, удачно денационализируется, и национальные государства, чего бы ни требовали интересы внутренней политики, все больше становятся "разновидностью переходной организации для управления экономическими процессами" (Ohmae, 1995, p. 149). На какую бы систему взглядов — либеральную, радикальную или социалистическую — ни опирались аргументы гиперглобалистов, все они рисуют глобализацию как нечто такое, что означает фундаментальную перестройку "структуры человеческого действия".

Аргументы скептиков. Сравнивая статистические данные, которые, начиная с XIX века, характеризуют мировые потоки товаров, инвестиций и рабочей силы, скептики приходят к выводу, что современный уровень экономической взаимозависимости не является беспрецедентным в истории. Для них глобализация означает интегрированную мировую экономику, в которой преобладает "закон единой цены", а история в лучшем случае подтверждает лишь углубление ее интернационализации, т. е. усиление взаимодействий между национальными — по преимуществу — экономиками. Доказывая, что глобализация — это миф, скептики опираются на исключительно экономическое представление о

глобализации, согласно которому она приравнивается в первую очередь к интегрированному мировому рынку. По их мнению, достигнутый ныне уровень экономической интеграции ниже этого "идеального типа" и менее значителен по сравнению с тем, что был в конце XIX века (в эпоху классического золотого стандарта). Отсюда скептики вправе сделать вывод, что степень современной "глобализации" в целом преувеличена. По этой причине они считают систему аргументов гиперглобалистов в корне несостоятельной и политически наивной, поскольку она недооценивает способность национальных правительств регулировать международную экономическую деятельность. Вне контроля со стороны национальных правительств, обеспечивающих экономическую либерализацию, эта деятельность была бы менее активной.

Большинство скептиков считают, что если текущие события о чем-то и свидетельствуют, так только о том, что экономическая активность подвергается значительной "регионализации" по мере того, как мировая экономика все больше сосредотачивается в рамках трех основных финансовых и торговых блоков, таких как Европа, Азиатско-Тихоокеанский регион и Северная Америка. Поэтому, по сравнению с эпохой классического золотого стандарта сейчас мировая экономика гораздо менее интегрирована. Скептики воспринимают глобализацию и регионализацию как две противоположные тенденции. Д. Гордон и Л. Вейсс приходят к выводу, что по своему географическому охвату нынешняя международная экономика значительно менее глобальна, чем во времена мировых империй.

Скептики, кроме того, не разделяют мнения о том, что интернационализация предвосхищает возникновение нового мирового порядка, при котором государство будет играть более скромную роль. Они далеки от того, чтобы считать национальные правительства скованными требованиями международного права и указывают на их растущую роль в регуляции экономической активности, пересекающей границы отдельных государств. Правительства — не пассивные жертвы интернационализации, а, напротив, ее главные архитекторы. Так,

например, Р. Гилпин рассматривает интернационализацию в значительной степени как побочный продукт инициированного Соединенными Штатами многостороннего экономического порядка, который по окончании Второй мировой войны породил импульс к либерализации национальных экономик. А. Каллиникос и его соавторы, занимая совершенно иную позицию, объясняют недавнюю интенсификацию мировой торговли и зарубежных капиталовложений как новую фазу западного империализма, в которую глубоко вовлечены национальные правительства в качестве институтов власти монополистического капитала.

Несмотря на различия в акцентах, скептики едины во мнении, что какими бы ни были направляющие силы интернационализации, она не сопровождается ликвидацией неравенства между Севером и Югом. Напротив, по мере того, как торговые и инвестиционные потоки на богатом Севере усиливаются, исключая большую часть остального земного шара, наблюдается рост экономической маргинализации многих государств "третьего мира". П. Кругман идет еще дальше: он подвергает сомнению распространенное представление о том, что возникает якобы новое международное разделение труда, при котором деиндустриализация на Севере может дойти до такой степени, что транснациональные корпорации будут экспортировать рабочую силу на Юг. Точно так же У. Рейгрок и К. ван Талдер, Дж. Томпсон и Дж. Аллен пытаются развеять "миф" о "глобальной корпорации", выдвигая на первый план тот факт, что зарубежные инвестиционные потоки концентрируются в развитых капиталистических странах и регионах. Таким образом, скептики, выдвигая свои аргументы, как правило, обходят вопрос о том, что интернационализация несет с собой глубокую или даже коренную реструктуризацию глобальных экономических отношений.

Неравенство в мировой экономике, по мнению многих скептиков, способствует развитию фундаментализма и агрессивного национализма, что, в свою очередь, в большей степени, чем предрекаемое гиперглобалистами возникновение глобальной ци-

вилизации, разделяет мир на цивилизационные блоки и культурные и этнические анклавы. К тому же, увеличение глобального неравенства, реальная политика в области международных отношений и "конфликт цивилизаций" разоблачают иллюзорную природу "глобального правления", поскольку управление мировым порядком остается главным образом в руках западных государств. В этом контексте скептики, как правило, понимают под глобальным правлением и экономической интернационализацией преимущественно западные проекты, поддерживать которые должен приоритет Запада в мировых делах. Как заметил однажды Э.Х. Карр, "международный порядок и "международная солидарность" всегда будут девизами тех, кто чувствует себя достаточно сильным, чтобы навязывать их другим".

В общем, скептики расходятся со всеми основными утверждениями гиперглобалистов, указывая на сравнительно более высокий уровень экономической взаимозависимости и более обширный географический охват мировой экономики в начале XX века. Они отвергают популярный "миф" о том, что власть национальных правительств или государственный суверенитет разрушены сегодня экономической интернационализацией или глобальным управлением. По мнению Л. Вейсса, Р. Шарпфа и К. Арминжена, происходящее в действительности опровергает распространенное представление о том, что в мировом масштабе имеет место конвергенция макроэкономики и политики благосостояния. Если международные экономические условия могут ослаблять усилия правительств, то это не означает, что они вообще лишаются возможности действовать. Интернационализация капитала, как утверждает Л. Вейсс, способна "не только ограничить имеющийся политический выбор, но и расширить его". Скептики стремятся разоблачить не предположение гиперглобалистов о том, что мир становится все более взаимосвязанным, а мифы, которые создаются вокруг глобализации.

Аргументы трансформистов. В основе аргументов трансформистов лежит убеждение

в том, что на заре нового тысячелетия глобализация — это основная движущая сила, стоящая за бурными социальными, политическими и экономическими переменами, которые преобразуют форму современного общества и мирового порядка. По утверждению сторонников этой точки зрения, современные процессы глобализации исторически беспрецедентны. Правительства и общества на всем земном шаре вынуждены адаптироваться к миру, в котором нет больше четкого разделения между международными и "доместикальными", внешними и внутренними делами. Для Дж. Розенау рост "интерместикальных" проблем ведет к установлению "новой границы", расширяющей политическое, экономическое и социальное пространство, на котором решаются судьбы обществ и сообществ. В этом отношении глобализация рассматривается как мощная трансформирующая сила, ответственная за "всестороннее перетряхивание" (*shake-out*) обществ, экономики, институтов и мирового порядка.

Однако, по мнению трансформистов, направленность этого "перетряхивания" остается неопределенной, поскольку глобализация понимается ими как случайный по своей сути исторический процесс, полный противоречий. В отличие от скептиков и гиперглобалистов, они не пытаются предугадать будущий путь развития глобализации. Не стремятся они и оценить настоящее по сравнению с неким отдельным, фиксированным, идеальным типом "глобализированного мира", будь то глобальный рынок или глобальная цивилизация. Более того, трансформистский подход придает особое значение глобализации как длительному историческому процессу, который отмечен противоречиями и в значительной мере сформирован ситуативными факторами. Тем не менее, подобная осмотрительность относительно будущего глобализации сочетается у них с убеждением, что современные образцы глобальных экономических, военных, технологических, экологических, миграционных, политических и культурных потоков исторически беспрецедентны. Как выразился Т Нироп, "фактически все страны мира, если не на всей своей территории и не во всех сегмен-

тах их социальной структуры, являются теперь — в том или ином отношении — функциональной частью этой большей [глобальной] системы" (Nierop, 1994, p. 171). Но существование единой глобальной системы не принимается как доказательство глобального сближения или появления единого мирового сообщества. Напротив, для трансформистов глобализация связана с новыми моделями глобальной стратификации, в которых одни государства, общества и сообщества все более и более опутываются "глобальным порядком", в то время как другие все более и более отесняются на второй план.

Считается, что новое распределение глобальных властных отношений кристаллизуется по мере того, как деление на Север и Юг стремительно уступает дорогу новому международному разделению труда, при котором "знакомая иерархическая пирамида центр-периферия оказывается уже не географическим, а социальным аспектом мировой экономики" (Hoogvelt, 1997, p. XII). Говорить о Севере и Юге, о "первом мире" и "третьем мире" — значит, не замечать тот факт, что глобализация переиначила традиционные способы классификации стран, создав новые иерархии, которые пронизывают все общества и регионы мира. Север и Юг, "первый мир" и "третий мир" больше не "где-то там", они сцеплены друг с другом во всех крупных городах мира. Если традиционная модель мировой социальной структуры похожа на пирамиду с небольшой верхней частью и широким массивным основанием, то глобальную социальную структуру можно рассматривать как трехъярусное образование из концентрических кругов, каждый из которых пересекает национальные границы, представляя соответственно элиты, электорат и маргиналов.

Новые модели глобальной стратификации связаны с растущей детерриториализацией экономической активности, тогда как производство и финансы все в большей степени становятся глобальными и транснациональными. Опираясь на несколько иные основания, М. Кастельс и Дж. Рагги доказывают, что национальные экономики перестраиваются в ходе экономической

глобализации таким образом, что национальное экономическое пространство перестает совпадать с территориальными границами государства. В этой глобализирующейся экономике системы международного производства, обмена и финансов еще теснее сплетаются друг с другом судьбы сообществ и хозяйств, находящихся на разных континентах.

По существу, доводы трансформистов сводятся к тому, что современная глобализация перестраивает или "переиначивает" власть, функции и полномочия национальных правительств. Не оспаривая того, что государство все еще остается основным законным претендентом на обладание "действенной верховной властью над тем, что происходит в пределах его собственных границ", они доказывают, что эта власть в той или иной мере сочетается с растущей юрисдикцией институтов международного правления и давлением международного права, равно как и с проистекающими отсюда обязанностями. Это особенно проявляется в странах ЕС, где суверенная власть разделена между интернациональными, национальными и местными органами, а также в деятельности Всемирной торговой организации (ВТО). Тем не менее, даже там, где суверенитет государства еще не затронут, оно больше не обладает (если вообще когда-либо обладало) исключительным правом распоряжаться тем, что происходит в пределах его собственных территориальных границ. Комплексные глобальные системы, от финансовых до экологических, связывают судьбу сообществ в одном регионе с судьбами сообществ в других регионах мира. Кроме того, глобальные транспортные и коммуникационные инфраструктуры поддерживают новые формы экономической и социальной организации, которые пересекают национальные границы без какого-либо последующего снижения эффективности или контроля. Местонахождение власти и субъекты власти могут оказаться как в буквальном, так и метафорическом смысле слова по разные стороны океана. В таких условиях понятие национального государства как самоуправляемой, автономной единицы, по-видимому, в большей степени является нормативным

требованием, нежели дескриптивным утверждением. В наше время институт территориально ограниченной суверенной власти на фоне транснациональной организации многих аспектов современной экономической и социальной жизни воспринимается как нечто аномальное. Таким образом, глобализация ассоциируется с трансформацией, или, если воспользоваться термином Дж. Рагги, с "разрывом" связи между суверенитетом, территориальностью и государственной властью.

Конечно, немногие государства когда-либо обладали полной или абсолютной властью в пределах своих собственных территориальных границ, о чем свидетельствует хотя бы практика дипломатического иммунитета. Разумеется, практика суверенной государственности, в противоположность доктрине, всегда быстро адаптировалась к изменяющейся исторической реальности. Доказывая, что глобализация преобразовывает или перестраивает власть и авторитет национальных правительств, трансформисты отвергают как рассуждения гиперглобалистов о конце суверенного национального государства, так и утверждение скептиков о том, что "изменилось не слишком многое". С их точки зрения, новый "режим суверенитета" заменяет традиционные концепции государственности как абсолютной, неделимой, территориально замкнутой общественной власти, и суверенитет сегодня лучше всего понимать не столько как территориально ограничивающий барьер, а как переговорный инструмент, необходимый для проведения политики, для которой характерны сложные межнациональные отношения.

Трансформисты доказывают, что глобализация связана не только с новым "режимом суверенитета", но и с возникновением полновластных нетерриториальных форм экономической и политической организации в глобальной сфере, таких, как транснациональные корпорации, транснациональные общественные движения, интернациональные органы регулирования и т.д. В этом смысле мировой порядок не может более восприниматься как вращающийся только вокруг государств или даже как в первую очередь управляемый государст-

вом, поскольку власть все более и более распределяется между общественными и частными органами на местных, национальных, региональных и глобальных уровнях. Национальные государства не являются отныне единственными центрами или главными формами правления или органами власти в мире.

В условиях меняющегося глобального порядка формы и функции государства должны адаптироваться к нему, а правительства находить соответствующие стратегии для налаживания связи с глобализирующимся миром. Существуют разного рода стратегии, начиная с модели неолиберального минимального государства до моделей государства-наблюдателя (правительство как главный покровитель экономической экспансии) и государства-катализатора (правительство как координатор коллективных действий). Кроме того, правительства стали в большей степени считаться с окружающим миром, стараясь следовать совместно выработанным стратегиям и создавать международные механизмы регулирования, чтобы более эффективно решать проблемы, которые регулярно всплывают на поверхность, когда речь заходит о внутренней ситуации национальных государств. Это обстоятельство в большей мере, чем глобализация, грозящая "концом государству", способствовало появлению адаптивной стратегии и, в каком-то смысле, активизации деятельности государства. Соответственно, власть национальных правительств не обязательно уменьшается в результате процесса глобализации, напротив, она преобразуется и реструктуризируется, приспосабливаясь к возрастающей сложности процессов управления в более взаимосвязанном мире.

Как скептики, так и гиперглобалисты опираются обычно на такую концепцию глобализации, согласно которой она заранее представляется как исключительное состояние или конец государства, т. е. полностью интегрированный глобальный рынок с одинаковым уровнем цен и тарифов. Соответственно, современные образцы экономической глобализации оцениваются, в зависимости того, насколько они соответствуют этому идеальному типу. Но да-

же по своей внутренней логике этот подход оказывается ущербным, поскольку нет никакой причины предполагать, что мировой рынок должен обязательно быть более "конкурентным", чем национальные рынки. Возможно, последним и не хватает абсолютной конкурентности, но это все равно не мешает экономистам квалифицировать их именно как рынки. Мировые рынки, как и рынки внутренние, также могут иметь недостатки.

Кроме того, такого рода подход к глобализации чрезмерно телеологичен и эмпиричен: он неприемлемо телеологичен, поскольку настоящее интерпретируется как очередная ступень в процессе некоего линейного движения вперед к заданному будущему конечному состоянию, хотя нет основания предполагать, что глобализация — более чем индустриализация или демократизация — имеет единственное зафиксированное конечное состояние; и неприемлемо эмпиричен, поскольку статистические данные о глобальных тенденциях привлекаются только для того, чтобы подтвердить или опровергнуть систему тезисов о глобализации. Например, тот факт, что большее количество людей в мире говорит на китайском (или его диалектах), а не на английском языке, вовсе не свидетельствует о том, что китайский является глобальным языком.

Подобным образом, даже если можно было бы утверждать, что торговые коэффициенты валового национального продукта западных стран в 90-х годах XIX века были таким же, или даже выше, чем на протяжении 90-х годов XX века, это само по себе мало что даст для понимания социальной и политической роли торговли в каждом из этих периодов. Делая заключения о, казалось бы, явных глобальных тенденциях, необходимо проявлять чрезвычайную внимательность и теоретическую осторожность.

Вопрос о том, следует ли понимать глобализацию в единых или дифференцированных категориях, связан с проблемой глобализации как исторического процесса. Большая часть литературы, написанной скептиками и гиперглобалистами, представляет глобализацию в значительной степени как процесс, затрагивающий какую-

то одну сторону жизни — чаще экономическую или культурную. Однако при этом игнорируются процессы глобализации, происходящие в других аспектах социальной жизни. Глобализация — глубоко дифференцированный процесс, который находит свое выражение во всех ключевых областях социальной деятельности (включая политическую, военную, законодательную, экологическую, криминальную и т.д.). Соответственно, описания глобализации, допускающие, что это дифференцированный процесс, более приемлемы при объяснении ее форм и динамики, по сравнению с теми подходами, которые такой дифференциации не замечают.

Каждая из названных выше трех "школ", принимающих участие в дискуссиях о глобализации, опирается на определенные представления о динамике и направлении глобальных изменений. Это дает возможность построить обобщенную модель глобализации, благодаря чему складывается мнение о ней как об историческом процессе. В этом отношении гиперглобалисты склонны представлять глобализацию как извечный процесс мировой интеграции. Такой подход нередко связан с линейным взглядом на исторические изменения; глобализация отождествляется с относительно плавным ходом человеческого прогресса. По сравнению с гиперглобалистами, скептики, как правило, представляют глобализацию, как процесс, в котором акцентируются и ее характерные стадии, и повторяющиеся черты. Отчасти по этой причине скептики затрудняются дать оценку современной глобализации по сравнению с предшествующими историческими периодами, особенно по сравнению с последними десятилетиями XIX века, которые они считают "золотым веком" глобальной взаимозависимости.

Ни одна из этих моделей исторического изменения не находит поддержки в лагере трансформистов, так как они представляют себе историю как процесс, отмеченный драматическими переворотами или резкими изменениями. Подобный взгляд подчеркивает непредсказуемость истории и то обстоятельство, что эпохальные изменения являются результатом совместного дейст-

вия определенных исторических условий и определенных социальных сил. Этим и объясняется склонность трансформистов описывать процесс глобализации как случайный и противоречивый. Согласно их системе аргументов, глобализация воздействует на мировые сообщества наподобие "тяги-толкая": она разделяет их в той же мере, в какой и объединяет, порождает как сотрудничество между ними, так и конфликты; унифицирует их, равно как и способствует росту партикуляризма.

Глобализацию можно поместить в один ряд с такими понятиями, как локальное, национальное и региональное. На одном конце этого ряда располагаются социальные и экономические структуры и отношения, которые организованы на местной и/или национальной базе; на другом — социальные и экономические структуры и отношения, которые формируются при укрупнении масштабов региональных и глобальных взаимосвязей. Глобализацию можно рассматривать как те пространственно-временные процессы изменений, которые служат фундаментом для такого преобразования человеческой деятельности, когда она оказывается единой человеческой деятельностью и осуществляется во всех регионах и континентах. Без учета таких пространственно-широких связей дать четкое и непротиворечивое определение этому понятию невозможно.

Соответственно, концепция глобализации подразумевает, прежде всего и главным образом, преодоление социальной, политической и экономической активности *пространственных* границ — так, что события, решения и действия, происходящие и принимаемые в одном регионе мира, могут иметь значение для индивидов и сообществ в отдаленных уголках земного шара. В этом смысле она олицетворяет межрегиональную взаимосвязанность, расширяющиеся границы структуры социальной деятельности и власти и возможность действия на расстоянии. Кроме того, когда говорят о глобализации, то имеется в виду, что связи, независимые от государственных границ, не просто случайны или редки, но становятся все более регулярными, так что наблюдается заметная интенсифи-

кация или возрастающая значимость взаимосвязей, образцов взаимодействия и потоков, которые преодолевают границы обществ и государств, существующих в рамках мирового порядка. Возрастающая экстенсивность и интенсивность глобальных взаимосвязей может также предполагать *ускорение* глобальных взаимодействий и процессов, поскольку развитие общемировых систем транспорта и коммуникаций способствует увеличению скорости глобального распространения идей, товаров, информации, капитала и людей. Растущие *экстенсивность, интенсивность и скорость* глобальных взаимодействий также могут быть соотнесены с углубляющимся переплетением местного и глобального, так что *воздействие* отдаленных событий увеличивается, а даже сугубо локальные достижения могут иметь огромные глобальные последствия. В этом смысле границы между внутренними и глобальными проблемами

нередко оказываются размытыми. Определение глобализации должно охватить каждый из этих элементов: экстенсивность, интенсивность, скорость и воздействие. Соответственно, глобализация может быть осмыслена как *процесс (или совокупность процессов), который воплощает в себе трансформацию пространственной организации социальных отношений и взаимодействий, измеряемую с помощью таких показателей, как их протяженность, интенсивность, скорость и воздействие, и порождающую межконтинентальные или межрегиональные потоки* (перемещения физических артефактов, людей, символов, знаков и информации через пространство и время) *и структуры активности, взаимодействий и проявлений власти.*

Перевод с английского В.В. Сапова